

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 17.01+17.02

DOI: 10.17223/1998863X/46/12

Р.Г. Апресян

ДВЕ ВЕРСИИ ПРИНЦИПА УНИВЕРСАЛИЗАЦИИ В МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И. КАНТА¹

Решение вопроса о соотношении двух версий принципа универсализации Канта – формулы универсального закона и формулы закона природы – в контексте его учения о категорическом императиве зависит от понимания значения кантовской аналогии между нравственным законом и законом природы, внутренней смысловой связи между формальными и содержательными характеристиками категорического императива и места телеологического компонента в моральной философии Канта.

Ключевые слова: И. Кант, категорический императив, принцип универсализации, формула всеобщего закона, формула закона природы.

Принципом универсализации принято называть первый практический принцип категорического императива Иммануила Канта. Кант считал категорический императив, в частности его первый практический принцип, фундаментальным критерием разделения недопустимого и достойного в морали. Критерий универсальности был для Канта ключевым и в определении морали как таковой, в утверждении ее отличия от других форм императивности – тех, что выражены в гипотетических императивах умения и благоразумия.

Принцип универсальности дается Кантом в двух основных версиях. Первая гласит: «Поступай только по такой максиме, относительно которой ты в то же время можешь желать, чтобы она стала всеобщим законом» [1. С. 143]. Действия, совершенные по всеобщему закону, составляют, по Канту, порядок, который он называет *природой*. Такое понимание природы Кант выражает не только в связи категорическим императивом; оно проводилось и в «Критике чистого разума», причем по разным поводам и в несколько более широком виде. «Под природой... – отмечает Кант, – мы разумеем связь явлений с точки зрения их бытия и по необходимым правилам, т.е. по законам» ([2. С. 355]; ср. [Там же. С. 242–243]). Кант подчеркивает, что это эмпирическое понимание природы, и оно предполагает наличие неких «первоначальных законов, лишь благодаря которым становится возможным сам опыт» [Там же. С. 355]. Имея в виду такое понимание природы, Кант модифицирует формулу принципа универсальности следующим образом: «Поступай так, как если бы максима твоего поведения по твоей воле должна была стать всеоб-

¹ Статья подготовлена в рамках проектного исследования «Феномен универсальности в морали», осуществляемого при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 18-18-00068. The paper has been developed within a project research «The Phenomenon of Moral Universality», supported by the Russian Science Foundation, project № 18-18-00068.

щим законом природы» [1. С. 145]. Вопрос, который здесь встает, касается того, как с этой законосообразной связью явлений соотносится нравственность и как с законом природы соотносится нравственный закон.

Первая версия принципа универсальности представляет важную характеристику категорического императива, который требует, чтобы максима поступка была сообразна с всеобщим законом. На основе кантовского разъяснения в одном из примечаний во втором разделе «Основоположений» мы знаем, что максима – это субъективный принцип действия, практическое правило, которому человек как разумное существо подчиняет свое действие в соответствии с конкретными условиями его совершения, причем чаще всего, как говорит Кант, при недостатке осведомленности и под влиянием склонностей. В отличие от максимы, закон не ограничен никаким условием. В этом смысле он универсален. Категорический императив вменяет подчинение максимы универсальному закону.

К тому моменту рассуждения, где Кант вводит формулы принципа универсализации, он уже не раз имел возможность проговорить, что содержание нравственного закона изначально дано обыденному моральному разуму и в этом смысле известно ему, что оно известно еще и в силу того, что нравственный закон безусловен. Тем не менее при формулировании категорического императива Кант эксплицирует его содержание минимальным образом – пока оно выражается в негативной осведомленности о законе: «...никакого условия, которым он был бы ограничен» [Там же. С. 143]. Формулой закона природы Кант задает возможность корреляции максимы с универсальным законом как выражением существующего порядка вещей (т.е. природы в указанном выше особенном смысле), частью которого человек готов себя вообразить. В наиболее ясной форме это проговаривается Кантом в «Критике практического разума». Там же Кант отдельно признает наличие когнитивных препятствий. Они связаны с применением сверхчувственных моральных идей к возможным действиям, осуществляемым в чувственно воспринимаемом мире: «Закон свободы должен быть применен к поступкам как к событиям, которые происходят в чувственно воспринимаемом мире и постольку, следовательно, принадлежат к природе» [3. С. 455]. Трудности такого рода Кант полагает преодолеть с помощью условного, символически-репрезентативного или, по его словам, «типового» применения схемы закона природы (который представляет естественную причинность) к закону свободы. Это применение возможно в условиях мысленного эксперимента и на основе способности воображения. Посредством ее моральный субъект подвергает максимы проверке на универсальность и тем самым испытывает свои действия с точки зрения их морального достоинства (см.: [4]). Эта аналогия и отражена в различии между формулой всеобщего закона и формулой закона природы.

В кантоведении две версии принципа универсализации воспринимаются и обозначаются по-разному. Их наиболее сильное номинативное различие прослеживается в именовании первой версии «формулой универсального закона», а второй – «формулой закона природы» (см.: [5. Р. XX, 17, 78–87]).

Говоря о различии этих формул, следует прежде всего отметить, что в их *русском переводе* установка морального агента относительно его максимы в отношении к закону предстает различной: в первой формуле речь идет о же-

лении агента (а в русском слове «желание» слышатся субъективность и произвольность), а во второй – о его воле (в русском слове «воля» слышатся субъектность и осмысленность). Между тем в оригинале никаких подспудных коннотаций такого рода нет: в первой формуле Кант говорит о волении (*wollen*) агента, во второй – о действии его воли (*Willen*). Трудно сказать, чем руководствовался Кант, описывая в разных словах установку морального агента по поводу отношения его максимы к закону, но по существу в первой и второй формулах первого практического принципа об этой установке говорится одно и то же. Также стоит добавить, что слово «должна» во второй формулировке не несет никакой морально-нормативной нагрузки, естественно ожидаемой от слова такого рода в трактате по моральной философии; оно – элемент той грамматической структуры, посредством которой передается в данном предложении сослагательное наклонение. В этой части смысл второй формулировки таков же, что у первой: «Поступай так, чтобы максима твоего поведения по твоей воле стала бы всеобщим законом природы».

Важный момент в различии этих версий касается модуляции, которую претерпела наиболее существенная ее часть: слова «всеобщий закон» в первой версии заменены словами «всеобщий закон природы» во второй. Обусловленное этой модуляцией изменение в содержании принципа универсализации отнюдь не очевидно. Из того, что говорит по поводу этих версий Кант, не ясно, в чем заключается субстанциональная и функциональная разница между «всеобщим законом» и «всеобщим законом природы». Иными словами, не ясно, что представляет собой категорический императив в качестве *всеобщего закона*, а что – в качестве *всеобщего закона природы*, чем соотношение моральным агентом максимы своего поступка с всеобщим законом отличается от соотнесения с всеобщим законом природы и каково различие эффектов этих соотнесений для индивидуальных решений и действий.

В современном отечественном кантоведении наличие двух версий принципа универсализации непременно отмечается, но не все авторы придают этому различию теоретическое значение. Так, А.П. Скрипник рассматривает формулу закона природы как частный и не имеющий самостоятельного содержания случай универсального закона. По его мнению, в движении от формулы универсального закона к формуле закона природы нет логической необходимости [6. С. 41–42], и второй версией принципа универсализации Кант указал всего лишь на некую аналогию между нравственностью и природой, что подтверждается использованием Кантом сослагательного наклонения в формулировке второй версии. Эта аналогия опирается на совпадение таких присущих нравственному закону и законам природы характеристик, как необходимость и общезначимость. Исходя из разделявшегося им в период работы над книгой понимания морали, Скрипник усмотрел за второй версией принципа универсализации представление Канта о двойственности морали, о дуализме сущего и должного. Но это не дало ему оснований для вывода о наличии динамики в содержании принципа универсализации, и обе версии этого принципа рассматривались им как равнозначные с точки зрения содержания категорического императива.

Если А.П. Скрипник стремится в процессе анализа категорического императива выстроить позитивную концепцию морали, то Э.Ю. Соловьев анализирует учение Канта о категорическом императиве как прочную основу

всего нормативного пространства, в котором социально-нормативная компонента оказывается едва ли не доминирующей. Ключевым в трактовке Соловьевым категорического императива можно считать замечание, данное в пояснение первого принципа: «Испытание максим на универсализируемость – это проверка их на *законодательную, общественно-устроительную состоятельность*. Под миром, созидателем которого человек должен себя вообразить, Кант всегда и прежде всего разумеет *общежитие*, или самими людьми учреждаемый *морально-политический порядок*» [7. С. 76]. Такой подход к трактовке первого принципа, кажется, открывает перспективу для его разъяснения как в первой, так и второй формулировке, тем более что усмотрение в процедуре испытания максим на универсализацию выхода человека на идею общежития, общеразделяемого морально-политического порядка как будто напрямую коррелирует с тем, известным уже нам, специфическим пониманием природы как связи поступков, совершенных по всеобщему закону. Однако Соловьев не ассоциирует каким-либо образом это свое разъяснение принципа универсализации со второй его версией – формулой закона природы. Более того, можно сказать, что вторая версия не становится для автора предметом специального внимания, и это, по-видимому, стало следствием ее восприятия всего лишь как «короллария», или «метафизического парафраза» первой версии [Там же. С. 71–72].

Стоит отметить, что Соловьев принимает кантоведческую традицию различения «сильной» и «слабой» версий принципа универсализации. Однако если «сильная» версия однозначно соотносится со «стандартной», как говорит Соловьев, формулой категорического императива – формулой всеобщего закона, то коррелят «слабой» версии принципа универсализации остается расплывчатым. В связи с ней всплывает одна из вариаций «формулы закона природы»: «С некоторыми действиями дело обстоит таким образом, что их максима без противоречия никогда не может быть даже помышлена как всеобщий закон природы; еще менее возможно желать, чтобы она должна была стать таковым» (в отличие от книги Соловьева цит. по [1. С. 153]). А наряду с ней и принцип человечности, или человечества как цели самой по себе, что еще и подтверждается дополнительно: «Вторая формула категорического императива корреспондирует со слабой версией универсализации максим...» [7. С. 86]. Расширение проблематики универсализации за рамки собственно первого принципа вполне в духе кантовского учения о категорическом императиве. А в перспективе комплексного понимания проблемы моральной универсальности оно представляет и более широкий философско-этический интерес.

Две версии принципа универсализации стали предметом подробного анализа А.К. Судакова, проведенного им в ходе скрупулезной и, насколько возможно, аутентичной реконструкции кантовской морально-философской мысли. В фокусе его внимания – рассуждения Канта, связанные с каждой версией принципа, их интенции, подоплеку и смысловые нюансы. Достаточно сказать, что рассмотрению каждой версии автор посвящает отдельный параграф в своей книге [8. С. 35–39, 39–49]. При этом и как исследователь, и как автор Судаков стремится сохранить себя в рамках предполагаемой им у Канта логики, всецело ей доверяясь. Это удастся ему наилучшим для принятого им намерения образом, вплоть до того, что он обнаруживает нарушения

этой логики у самого Канта. Обе версии принципа универсализации направлены на решение одного из центральных для кантовской моральной философии вопроса: как возможна максима индивидуального действия в качестве принципа безусловного долженствования. Этот вопрос, выступающий в такой форме изнутри принципа универсализации, является оборотной стороной более общего вопроса о том, как возможен категорический императив.

В рассмотрении формулы универсального закона Судаков постоянно имеет в виду глубокую внутреннюю связность этих вопросов, причем настолько, что прояснение первого (как возможна универсализация субъективной максимы) проводится им в форме разъяснения относительно второго (как возможен категорический императив). В формуле универсального закона Судаков видит продолжение проведенного Кантом критического сопоставления категорического императива с гипотетическими императивами, продемонстрировавшего безусловный характер нравственного долженствования, который означает, что понимание безусловности долженствования на практике предшествует какому-либо опыту и, наоборот, любые установки по отношению к действительному опыту (иными словами, любые максимы индивидуального действия) изначально обусловлены (должны быть обусловлены) всеобщим законом. Таким образом, формула всеобщего закона принципа универсализации говорит не о процедуре универсализации избранной индивидуумом максимы, а о непреложном способе образования или избрания максимы: максима должна приниматься как такая, которая может стать универсальным законом.

Судаков уверен, что сам Кант был убежден в эквивалентности обеих версий первого принципа категорического императива. Но если это так, то требует объяснения, почему Канту понадобился переход от одной формулировки к другой? Причем вторая, ориентирующая на всеобщий закон природы, предстала у Канта столь важной, что последующий анализ иллюстраций процедуры универсализации максим в соответствии с разного рода обязанностями, осуществленный вслед за введением двух версий принципа универсализации, Кант проводит, исходя именно из формулы всеобщего закона природы. Задавшись вопросом о том, «каково преимущество второй формулировки перед первой», «что она добавляет» [8. С. 41] и «что действительно вносит в этическую норму понятие природы» [Там же. С. 45], Судаков обращается к разбору более широкого доктринального контекста понятия природы у Канта и показывает, что благодаря приобретению нравственным законом, мыслимым по аналогии с законом природы, некоего коррелята в опыте действия в чувственном мире, в этику вводится представление об объективной значимости закона, а через понятие закона природы в представление о законе вводится телеологический элемент. Тем не менее, по твердому убеждению Судакова, «в чистой этике Канта» у формулы закона природы нет никакого обоснованного места. Не видя значения второй версии принципа универсальности в рамках самого учения Канта, Судаков не берется судить о ее значении в более широком морально-философском или этико-нормативном контекстах и о ее возможных позитивно-теоретических эффектах для понимания универсальности моральных форм и различия подходов к проблематизации этого феномена.

Каждое из указанных исследований отечественных кантоведов, несомненно, заслуживает самого серьезного внимания, однако следует признать,

что вопрос о теоретической и нормативной *динамике* принципа универсализации в переходе от формулы универсального закона к формуле закона природы остался в них, по существу, незатронутым.

Концептуально интересное видение принципа универсализации в целостном контексте учения о категорическом императиве предлагает Аллен Вуд. Характеризуя различие двух формул первого практического принципа, Вуд обращает внимание на разный характер необходимости, предполагаемой универсальным законом и универсальным законом природы. Необходимость универсального закона носит нормативный характер: мы должны ему следовать как рациональные агенты. Универсальный закон представляет собой «нормативный принцип». Вопрос о том, могу ли я хотеть (волить), чтобы моя максима стала всеобщим законом, означает следующее: могу ли я хотеть, чтобы всем другим людям было позволено следовать ей. Необходимость закона природы иная, она задает особенный характер мотивации к выполнению сообразной с законом максимы, и поскольку закон природы мыслится имеющим другой онтологический статус: он является частью порядка природы, и для человека как части этого порядка каузально невозможно (*causally impossible*) не следовать ему [5. P. 79–80].

Предложенное Вудом объяснение соотношения формулы всеобщего закона и формулы закона природы вызывает ряд критических вопросов, начиная с очевидного, относительно «нормативного характера» универсального закона (каким бы форматом нормативности он ни обладал) и завершая «натурально-каузальной» характеристикой закона природы, которая входит в противоречие с проводимым Кантом пониманием законов нравственности как законов свободы. Впрочем, Вуд понимает недостаточность данного им объяснения. Более того, он полагает, что в рамках кантовского обсуждения первого практического принципа исчерпывающее объяснение перехода от универсального закона к закону природы неисполнимо. Но разъяснение перехода от одной версии принципа универсализации к другой возможно при обращении ко второму и третьему практическим принципам, посредством которых категорический императив наполняется нормативно-позитивным содержанием. Оно задается идеями человечества как цели самой по себе (второй принцип) и автономии (третий принцип), получающими развитие в дополнительных и уточняющих формулах категорического императива (не всегда данных развернуто) – так называемых формулах царства целей и самозаконодательства абсолютно доброй воли [1. С. 181, 183, 193–199]. Благодаря им становится ясно, что «царство целей возможно только по аналогии с царством природы» [Там же. С. 199]. По сути, только в соотношении с этими другими формулировками морального закона обе версии принципа универсализации обретают, по убеждению Вуда, свою теоретическую ценность [5. P. 97].

Такая интерпретация приводит Вуда к радикальному выводу, что «впечатление о формуле всеобщего закона как дефинитивно представляющей моральный закон Канта» неадекватно и непродуктивно [Ibid. P. 164]. Значение принципа универсализации в обеих его версиях ограничивается тем, что он «обеспечивает нас механизмом для проверки дозвоительности какой-либо из имеющихся максим» [Ibidem], но он формален и ничего не может сказать относительно того, как же следует действовать.

Восприятие принципа универсализации как «стандартного» обусловило в посткантовской истории мысли понимание категорического императива в целом как исключительно формального. Формализм, усматривавшийся в первом принципе, переносился и на другие два принципа – принцип человечности и принцип автономии, притом что они, наоборот, задают содержательные ориентиры практическим решениям и действиям. Это очевидно с принципом человечности, но не менее очевидно и с принципом автономии, если принять к сведению его версию – формулу царства целей. Учет различий в характере нормативного содержания разных формул категорического императива позволяет понять, что хотя категорический императив выражается в равной мере в трех формулах (включая их основные и дополнительные варианты), более того, многие из кантовских комментариев относительно формулы человечности и формулы автономии опосредованы апелляцией к закону природы, – неправомерно думать, что каждая формула вместе с тем несет в себе содержание каждой другой и каждой другой предполагается. Философско-этическая весомость принципов человечности и автономии в сравнении с принципом универсализации подтверждается другими этическими и примыкающими к ним сочинениями Канта, среди которых заслуживает внимания не часто упоминаемое эссе «Предполагаемое начало человеческой истории», в котором обусловленные потребностью в социальном взаимодействии обоюдные ограничения на отношение человека к человеку как к вещи рассматриваются в качестве одного из факторов, сыгравших важную роль в генезе общества [9. С. 165].

Показательно для понимания внутренне-нормативной динамики принципа универсализации замечание Герберта Пэттона, касающееся формулы закона природы: мы можем понять ее лишь при условии, что закон природы будет истолкован телеологически, в перспективе гармонии человеческих целей [10. Р. 155]. Содержательный компонент эксплицитно присутствует во втором и третьем принципах категорического императива. Благодаря введению Кантом формулы закона природы и через это прямому сопряжению принципа универсализации с двумя другими принципами категорического императива появляется возможность обнаружить содержательный компонент и в принципе универсализации. В этом можно видеть действительное теоретическое и нормативное значение формулы закона природы и ее новационность в сравнении с формулой всеобщего закона.

Литература

1. Кант И. Основоположения к метафизике нравов // Соч.: в 4 т., на нем. и рус. яз. Т. 3 / подгот. к изд. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлингом. М., 1997. С. 39–276.
2. Кант И. Критика чистого разума // Соч.: в 4 т., на нем. и рус. яз. Т. 2, ч. 1 / подгот. к изд. Н.В. Мотрошиловой, Т. Длугач, Б. Тушлингом, У. Фогелем. М., 2006. 1081 с.
3. Кант И. Критика практического разума // Соч.: в 4 т., на нем. и рус. яз. Т. 3 / подгот. к изд. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлингом. М., 1997. С. 277–733.
4. Westra A. The Typic in Kant's "Critique of Practical Reason": Moral Judgment and Symbolic Representation. Berlin : De Gruyter, 2016. 264 p.
5. Wood A.W. Kant's Ethical Thought. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. 462 p.
6. Скрипник А.П. Категорический императив Иммануила Канта. М. : Изд-во МГУ, 1978. 189 с.
7. Соловьев Э.Ю. Категорический императив нравственности и права. М. : Прогресс-Традиция, 2005. 416 с.

8. Судаков А.К. Абсолютная нравственность: этика автономии и безусловный закон. М. : Эдиториал УРСС, 1998. 237 с.

9. Кант И. Предполагаемое начало человеческой истории // Соч.: в 4 т., на нем. и рус. яз. Т. 1 / подгот. к изд. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлингом. М., 1993. С. 149–192.

10. Paton H.J. The Categorical Imperative: A Study in Kant's Moral Philosophy. London : Hutchinson's University Library, 1948. 283 p.

Ruben G. Apressyan, Institute of Philosophy, RAS (Moscow, Russian Federation).

E-mail: apressyan@iph.ras.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 46. pp. 104–111.

DOI: 10.17223/1998863X/46/12

TWO VERSIONS OF UNIVERSALIZABILITY PRINCIPLE IN IMMANUEL KANT'S MORAL PHILOSOPHY

Keywords: Immanuel Kant; categorical imperative; universalizability principle; formula of universal law; formula of law of nature.

Two formulas of the universalizability principle of the categorical imperative – the formula of universal law and the formula of the law of nature – have been regularly interpreted in general philosophical literature as mutually specifying each other. The former one has been considered as representing the character of normativity peculiar to the categorical imperative, the latter one its ontological status. The law of nature has been interpreted as a physical law or as a “natural law” in the spirit of the natural law tradition. Not all commentators of Kant have taken into account his note on the concept of nature as an order of actions determined by laws. The issue of two versions of the universalizability principle, their interrelation, and functional and substantial peculiarities is important for understanding both the principle of universalizability and the concept of the categorical imperative. Taking into consideration the significance of the principle as a criterion of moral worth in Kant's ethics and the influence of this aspect of Kant's teaching on the succeeding moral philosophy, the issue of relation between two versions of the universalizability principle should be recognized as an important one for general discussion on the nature of morality. Following the critical-comparative analysis of discussion on this issue in Kant studies (A.P. Skripnik, E.Yu. Soloviev, A.K. Sudakov, H.J. Paton, A.W. Wood), the author points to the significance of analogy between moral law and the law of nature in Kant's doctrine, to the inner connection between formal and material features of the categorical imperative, and to the place of teleological component in Kant's moral philosophy. The latter puts forward the task of rethinking of the common understanding of Kant's ethics as exclusively formal and the first formula of the categorical imperative as the ‘standard’ one.

References

1. Kant, I. (1997a) *Sochineniya v 4 t.* [Works in 4 vols]. Vol. 3. Translated from German. Moscow: Moskovskiy filosofskiy fond. pp. 39–276.

2. Kant, I. (2006) *Sochineniya v 4 t.* [Works in 4 vols]. Vol. 2(1). Translated from German. Moscow: Nauka.

3. Kant, I. (1997b) *Sochineniya v 4 t.* [Works in 4 vols]. Vol. 3. Translated from German. Moscow: Moskovskiy filosofskiy fond. pp. 277–733.

4. Westra, A. (2016) *The Typic in Kant's 'Critique of Practical Reason': Moral Judgment and Symbolic Representation.* Berlin: De Gruyter.

5. Wood, A.W. (1999) *Kant's Ethical Thought.* Cambridge: Cambridge University Press.

6. Skripnik, A.P. (1978) *Kategoricheskiy imperativ Immanuila Kanta* [Immanuel Kant's categorical imperative]. Moscow: Moscow State University.

7. Soloviev, E.Yu. (2005) *Kategoricheskiy imperativ нравственности i prava* [The categorical imperative of morality and law]. Moscow: Progress-Traditsiya.

8. Sudakov, A.K. (1998) *Абсолютная нравственность: этика автономии и безусловный закон* [Absolute morality: The ethics of autonomy and unconditional law]. Moscow: Editorial URSS.

9. Kant, I. (1993) *Sochineniya v 4 t.* [Works in 4 vols]. Vol. 1. Translated from German. Moscow: Kami. pp. 149–192.

10. Paton, H.J. (1948) *The Categorical Imperative: A Study in Kant's Moral Philosophy.* London: Hutchinson's University Library.